

12+

Александр ЗИБОРОВ

# ЛЕГЕНДА О ПОДВИГЕ

Фэнтези  
Приключения  
Сказка

# Александр Зиборов

## Легенда о Подвиге

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=38994786](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38994786)*

*SelfPub; 2022*

### **Аннотация**

Преданье старины глубокой... Ужасное пророчество узнал в тёмную грозовую ночь вождь племени, когда жена родила ему сына... Две жизненные дороги у мальчика, он волен выбрать любую...

# Александр Зиборов

## Легенда о Подвиге

Памирский тракт. Он проложен на месте троп, о которых в старину говорили: «Помни, путник, ты здесь, как слеза на реснице...»

Причудливой лентой серпантина брошена в горные отроги автомагистраль, ведущая на «Крышу Мира». Проходит она на высоте четырёх-пяти тысяч метров над уровнем моря. С натугой гудит мотор многосильной машины, словно ей, как астматику-человеку, не хватает живительного воздуха. Он здесь сильно разреженный.

Бердиер Кидирбеков внимательно вглядывается в асфальтовое полотно дороги. Позади остался очередной перевал. Поворот влево и... дух захватило от дивной панорамы. Отчётливо виден – действительно, словно на ладони! – многокилометровый отрезок дороги, подковой вписанный в каменные отроги. В некоторых местах она настолько узка, что по ней в состоянии проехать с предосторожностями лишь одна машина, да и то водители предельно замедляют ход, внимательно следя за колёсами – уж слишком опасно! Один край горной дороги упирается в крутые скалы, а другой висит над пропастью, глубина которой кажется километровой. Может, от страха глаза велики?..

Внизу сыро и мрачно, что контрастно оттеняет лазурь

небосвода без единого облачка. Впрочем, они имеются, но куда ниже нас. Непривычно глядеть на облака сверху вниз.

Птицы парят с нами наравне, поглядывая, как мне показалось, уважительно, иногда пролетают совсем близко от машины. Широко расправив крылья, парят осторожно, чем-то напоминая канатоходцев, рассчитывающих каждое своё движение.

– Дарай Кахрамон, – неожиданно произносит Бердиер.

– Что, что ты сказал?

– Ущелье Героя, если перевести на русский язык, – поясняет он. – Впрочем, это не официальное название, так его называла моя бабушка Аширбиби. Ведь я жил недалеко отсюда – во-он там! – Показ рукой вправо. – Заходил несколько раз и сюда. Про это ущелье предание имеется, наверное, скорее сказка. Я её от бабушки слышал.

– Расскажи, – прошу я.

Бердиер покачал головой:

– Мало что помню, давно это было. Уже и бабушка померла. В прошлом году. Сколько она знала всяких историй, сказок, легенд – уму непостижимо! И ведь неграмотная была.

Он замолчал, уйдя в воспоминания.

Вечерело. Жара спадала. Солнце коснулось острых, будто только что обломанных, вершин. Подул ветерок, и сразу же повеяло желанной прохладой. Ущелья, долины, лощины накрыли сумрачные тени. Они подчеркнули массивность горных отрогов, созданных даже не на века и тысячелетия –

на миллионнолетия. Разнотравные склоны ущелий посылали последний привет светилу, прощаясь с ним до утра. Солнце почти скрылось за гору, и на небе разгорелась вечерняя зорька. Здесь, в горах, она бывает непродолжительной, но особенно красивой. Нежный жемчужно-розовый свет залил половину небосклона. На его фоне листва кипарисов казалась чеканной, а тополя – словно бы вылепленными из тугой тёмно-зелёной массы.

Впереди за чинаром мы увидели ряд стройных тополей, а за ними – чайхану. Возле неё стояли шесть машин. К крайней ловко подрулил Бердиер.

Заказали лагман и плов. Каждая его рисинка, налитая зигирным маслом, казалась сделанной из шафрана. Горка плова быстро таяла, обнажая дно керамического блюда с орнаментом стилизованной арабской вязи. А нам уже несли шашлык. И Бердиер, и я чувствовали себя сытыми, но кислотоватый аромат маринада в сочетании с запахом свежесрезанного лука снова возбудил аппетит. Мы с новыми силами принялись за еду. Но сумели одолеть только по две палочки шашлыка.

Потом был терпкий кок-чай. Глотая обжигающую жидкость, мы почувствовали, как сытость обволакивает наши тела, затуманивает сознание, делает тяжёлыми ноги и руки, клонит в сон. Только теперь мы поняли, как сильно устали. Всё-таки почти семь часов непрерывной езды по труднейшей горной трассе.

Бердиёр принёс мне одеяла, телогрейку под голову и ушёл, предупредив, что ночи тут холодные. Он по шофёрской привычке устроился в кабине своего грузовика.

Я лёг на тахте, расположенной у небольшого хауза, в котором таинственно плескалась вода. Почему-то имевшая сильный оттенок зелени. Минуту-другую ещё смотрел на чёрное небо, усеянное россыпью созвездий. Мне казалось, что я ощущаю неслышимый полёт Земли сквозь холодный космический простор. Заснул быстрее, чем закрылись мои глаза...

+ + +

Жёлтые шуршащие ломкие листья сплошным ковром устилали уставшую от длительного летнего плодородия землю. Прозрачный горячий и сухой осенний воздух напоён каким-то неясным ожиданием и затаённой надеждой. Отчего в душе пели радостные и, одновременно, тревожные струнки.

Старики грелись на солнце возле хижин, иногда добродушно покрикивая беззубыми ртами на расшалившихся ребяташек. В стойбище царила тишина: большинство охотников ушли за добычей, а остальные отдыхали.

Ортон истекал обильным потом под кучей старых, облезлых шкур, они просто пригибали его к земле, отчего он горбился больше обычного. По телу обильно струился пот. Всклокоченные, грязные волосы закрывали большую часть лица юноши и ниспадали на шею. Хромота, заметный горб, комки грязи в волосах, истрёпанная одежда, в которую он кутался, вызывали презрительные гримасы на лицах встреч-

ных.

Дети улюлюкали и бросали вслед камни, они чутко улавливали отношение взрослых соплеменников к уроду и на свой лад присоединялись к гонению. Старики отплёвывались, а молодые гоготали, показывая на него пальцами. Женщины смеялись, хмурились или отворачивались, стыдясь мелькнувшей тени жалости.

– Эй, горбун, куда ты несёшь свои тухлые кости?

Этот наглый крик принадлежал старому Рюгу, давнему сопернику и врагу отца Ортона. Ничтожная душа – он, не смея отомстить человеку, которого ненавидел при жизни, теперь испытывал удовольствие от безнаказанного издевательства над его сыном.

Ортон стиснул зубы, ссутулился ещё больше обычного и униженно прохромал мимо. Он с трудом сдерживал себя, не позволяя себе слишком уж ускорить шаг, видя спасительную опушку леса. А когда углубился в него подальше и убедился, что его никто не видит, то ускорился и стал двигаться всё быстрее и быстрее. Скоро его хромота исчезла, он перешёл на бег, лёгкий и стремительный... Мягким прохладным ковром стелилась под ногами трава. Ветерок дружески освежал разгорячённое тело. Упруго отталкивались сильные ноги, свободно вздымалась грудь, дыша в полную силу.

Вот и место его обычного купания: тенистая заводь, куда редко заходили люди. Уютная разнотравная полянка переходила в песочный берег с наверху из кустов и отдель-

ных деревьев. Заводь лежала свинцовым зеркалом, снисходительно сторонясь легкомысленного потока реки, вечно спешащего куда-то. В нём отражались облака, а по краям – кустарник и деревья. В безоблачном небе ряли стремительные ласточки, они то взмывали вверх, то льнули к дремотно покачивающей тёмной воде в зелёных речных берегах, от которой несло прохладой.

Ветерок стал лёгким, невесомым, почти незаметным, словно он не хотел покидать столь благодное место.

Грязные шкуры с человека упали на землю, обнажив крепкое тело с золотым загаром, сочетавшее в себе красоту и необоримую силу. Под гладкой кожей переливались бугры грозных мускулов – эластичные, гибкие и быстрые.

Описав ногами кривую линию, Ортон почти без брызг вошёл в живительно прохладную воду...

Долго плавал, наслаждаясь временно приобретённой свободой, такой редкой и желанной! Иногда чувствовал прикосновение невидимой рыбёшки, и тогда его охватывала огромная радость, как после тихой неприметной ласки любимой девушки.

И вдруг – это было словно гром без молнии при совершенно чистом небе – его беззаботность словно придавило огромным валуном: на берегу он увидел чудовищной величины зверя, злобно скалящего огромные клыки. Это был волк, но особой породы, которая процветала в далёком прошлом, но уже давно вымирала. На берегу находился один из немногих,



кто ещё оставался. Может быть, он являлся последним представителем своего племени. Этот волк был вдвое крупнее, мощнее обычного лесного волка. Зверь легко разбросал бы и передал целую стаю серых сородичей. Да что там волки, он в одиночку заваливал быка!

Ортон вздохнул, сокрушённо покачав головой. Юноша знал, что зверь в воду не войдёт, ибо органически её боится. Можно было переплыть реку и на её противоположной стороне оказаться в полной безопасности, но его одежда находилась там, где стоял гигантский волк. Но самое страшное – это Ортон осознал только сейчас, что хищник был людоедом, давно пристрастившийся к человеческому мясу. Люди для него куда более лёгкая добыча, чем, скажем, тот же дикий бык.

Выбора не оставалось: не получив его, волчара найдёт себе жертву в другом месте. И после продолжит убивать людей. Осознав это, Ортон содрогнулся при мысли, сколь легко зверю умертвить ребёнка – перекусит надвое маленькое тельце без малейшего труда одним движением могучих челюстей. И подростки, девушки будут убиты им столь же легко, как человек прихлопывает муху...

– Нет! – покачал головой Ортон. – Не бывать такому!

И двинулся на врага, глядя в его глаза. Тот злобно ощерился – добыча сама шла в его пасть.

До сухой полосы песчаного берега юноше оставалось сделать всего один шаг, когда зверь-людоед бросился в реши-

тельную атаку. Ортон ждал её, внутренне готовый ко всему. В самый последний момент он нанёс короткий удар сбоку ладонью. Именно ладонью, а не кулаком, так было быстрее и надёжнее, менее вероятен промах. Несмотря на молниеносную атаку, удар человека оказался быстрее. Голова хищника была сбита набок, тут же Ортон навалился на него сверху, стараясь придавить к земле... Хотел было охватить зверя, но помешала гигантская грудная клетка зверя, руки начали сползать.

Волчара бешено метался, пытаясь освободиться, обернуться и впиться клыками в мягкую плоть человека. По какому-то наитию в последнюю секунду юноша ухватился за лапы зверя, развёл их в сторону. Теперь волк не мог в достаточной мере повернуть голову, он зарычал, но тут же словно захлебнулся и страшно завизжал, словно придя в ужас и прося пощады: Ортон напрягал свои мышцы, лапы хищника всё больше расходились в сторону, а затем послышался хруст костей, заглушённый хрипом и воем обезумевшего от боли людоеда...

Ортон отбросил содрогаящееся тело. Ему было омерзительно прикасаться к нему дольше, чем вынуждали обстоятельства. В нескольких шагах поодаль лежал валун. Юноша взял его, подошёл и с силой прицельно швырнул в голову зверя. Затем поднял камень и снова бросил в агонизирующего людоеда, добив его окончательно.

Поднял сучковатую корягу и ею столкнул труп волчары в

воду реки, позволив медленно унести его дальше.

Затем окрестности потряс торжествующий крик победителя...

+ + +

...Была беспросветно-тёмная ночь. Черноту её только подчёркивали змеистые молнии, с оглушительным грохотом разрывающие небо. Каскады низвергающейся воды молотили тугую, разбухшую землю. Разбушевавшаяся стихия подавляла, устрашала людей своей грозной силой. Они трепетали в хрупких хижинах, пугаясь за свои жизни.

В эту ненастную ночь в хижине вождя разрешилась рожевица. Старый ведун пророчествовал страшную, небывалую судьбу ребёнку...

– Две дороги судьбы перед ним, – говорил он, закрыв глаза, словно вслушиваясь во что-то неслышимое остальным, но доступное его внутреннему слуху. – Очень разные пути, как день и ночь, как свет и тьма, как светлое добро и чёрное зло. На одном из них – счастье и процветание народа, а на другом – его личное счастье. Он может жить, не испытывая ни забот, ни тревог, ни сомнений, не зная равных ни в чём – ни в силе, ни в уме, ни в богатстве, ни в удаче... Но придёт чёрный день и он погибнет, и всё племя тоже, а позже уйдут в небытие и все остальные народы, населяющие землю. Предотвратить это несчастье может только он один, но для этого ему прежде нужно узнать всю глубину горестей и страданий, стать самым несчастным из людей, переносить

их презрение, издевательства, быть униженным и страдающим, как никто в этом мире. Жить так – вернее, существовать! – из года в год, всю жизнь, а потом придёт день, когда ему нужно будет пожертвовать ещё вдобавок и самим собой ради всех остальных людей. Именно эта судьба уготована ему свыше. Я ясно вижу печать рока на его лице...

Так говорил мудрый старец и со страхом внимали ему родители ребёнка.

Новорожденного назвали Ортоном. Вождь объявил племени, что его сын появился на свет калекой. Поэтому никто не удивлялся, что родители его никому не показывали. Вскоре от родовой горячки в несколько дней умерла мать мальчика, и теперь его тайну знали лишь двое: отец и старый ведун.

На людях Ортон показывался в одеждах, скрывающих его истинный облик, отец приучил его ходить прихрамывая, изображая хромоту. Часто вождь уводил сына далеко в лес и подолгу учил там воинскому искусству, передавал свой богатый жизненный опыт.

Мальчику шёл четырнадцатый год, когда с охоты принесли бездыханное тело его отца: спасая соплеменника, он вступил в неравную схватку с пещерным медведем и тот сокрушил храбреца, но и сам тут же пал, от нанесённой ему смертельной раны.

Ортон остался один. Какую-то поддержку ему оказывал старый ведун, но позже в конце голодной зимы он тоже ушёл из жизни. Соплеменники и раньше не любили Ортона, счи-

тая обузой калеку, а теперь откровенно презирали сироту. Заслуги его отца, их вождя, были быстро ими забыты. Юноша стоически терпел всё, помня о своём предназначении, в ожидании давно предсказанного дня.

...Много дней подряд охотники возвращались с охоты с пустыми руками. Скучная и ранее добыча сейчас исчезла совсем. Перестали улыбаться взрослые, смеяться дети. Потом начали умирать старики: они были куда слабее других. Вслед за ними голод стал забирать детей. Оставшиеся в живых не могли даже двигаться, в них жили только глаза, в которых не было ничего детского.

Ортон мучился, глядя на них. В конце концов, он не выдержал и направился в лес. Над головой сомкнулся над головой зелёным пологом. Гибкая ветка ивы шлёпнула по лицу, словно укоряя за спешку. Птичьи голоса стихли, лишь где-то вдали хрипуче продолжала старчески каркать ворона.

Он добрался до далёкой, одному ему известной прогалины. На ней рос высокий кряжистый вяз, раскинувший шатром свою крону, он словно бы стыдился стоявшей неподалёку старой осины, которая выглядела древесной старухой, доживающей последние дни. Мохнатые серёжки свисали серыми пуховыми червячками. Ветерок шаловливо трепал её листья, не решаясь тронуть вяз.

Ортон относился к осине уважительно, ибо внутри этого дерева имелось дупло, которое он замаскировал корой и ветвями. Достал из тайника спрятанное там оружие и плащ

леопарда. Зиму назад этот хищник, пристрастившийся к человеческому мясу, буквально терроризировал окрестности. Ортон выследил и убил его...

Оставив старую одежду в дупле осины, облачился в плащ, он вооружился копьём и слегка искривлённым ножом, сделанным из рога тура. С ними двинулся в путь.

К вечеру остались позади лес, степь, но дичь не попадалась. Солнце осторожно коснулось самых высоких вершин деревьев на далёком горизонте, замерло, словно задумавшись или засомневавшись: нужно ли спешить на покой? И только набравшись смелости, продолжило путь. Ортон стал искать место для ночлега...

На следующий день он наткнулся на одинокого зубра, чью шкуру усеяли многочисленные раны и шрамы, следы былых сражений, из которых он обычно выходил с честью.

Ортон с сожалением оглядел своё оружие: оно было слишком ничтожным против такого великана, но возвращаться без добычи он не хотел. Против этого протестовала каждая клеточка его тела. Вспомнил страдающих детей (многие уже умерли, или умрут ещё до его возвращения!) и решительным шагом направился к быку.

Зубр, заметив человека, недоумённо повёл головой, пригляделся, начав взрывать землю копытами. Он находился в самом расцвете сил и давно не имел равных себе противников. Потому никого и нечего не боялся. Взревел и понёсся на врага. Живая гора огромных мускулов, грозных рогов и

могучих копыт просто ужасала...

В самый последний момент Ортон отпрянул в сторону и ухватился за великолепные рога животного. Пробежав по инерции с десятков метров и протаскив человека, зверь остановился и принялся мотать головой, желая сбросить врага наземь и растоптать его. Но все попытки быка оказались тщетными: сила противника на сей раз не уступала его собственной.

Ортон упёрся ногами в землю, будто вращая в неё, и ожесточённо сопротивлялся всем смертоносным движениям рогатой головы. Крупные капли пота оросили его лицо. Несмотря на все усилия, преодолеть мощь животного ему не удавалось. Внутри родилось отчаяние. Перед его мысленным взором пронеслись личики голодающих детей... Нет, он должен вернуться с добычей!

Эта бесповоротная решимость родила силу. Зубр тревожно замычал, ощутив перемену в противнике и предвидя свой трагический конец. Он хотел всегда пастись на свежей траве, встречать восходы солнца у водоёма, сражаться из-за самок с себе подобными... Напряг все оставшиеся силы, но сверхъестественное напряжение вздувшихся мышц человека уже одолевало его. Треснул шейный позвонок свёрнутой набок головы быка и вслед за ним прозвучал предсмертный рёв животного.

Ортон отпрыгнул в сторону и повалился на траву. Совершённое усилие полностью опустошило его, он долго лежал

на земле, глядя в небо на проплывающие облака и чему-то счастливо улыбался...

Затем был долгий и невероятно трудный путь назад к родному племени. Ортон нёс тушу на себе, лишь временами делая передышки. Каждый раз он боялся, что не сможет заставить себя вновь взвалить на спину зубра, но раз за разом делал это, вспоминая умирающих детей. Двигался в каком-то трансе, шумно дыша. Каждый шаг ему казался последним, каждую минуту ему хотелось сбросить с себя непосильную ношу даже для десятка взрослых мужчин и повалиться на землю. Но он шёл и шёл, с трудом переставляя чуть ли не гнущиеся под невероятной тяжестью ноги. Липкий пот покрывал тело, в жилах гулко пульсировала кровь, скрипели в постоянно напряжении зубы.

Неподалёку от стойбища проходила гряда скал. С них Ортон и сбросил свою добычу. Он знал, что его соплеменники ежедневно бывают здесь, зубру не придется лежать долго...

Так и случилось. Обнаружившие тушу охотники решили, что неосторожное животное поскользнулось на тропе и, упав вниз на камни, свернуло себе шею. Никто не заподозрил истины, неописуемая радость застила глаза...

Ликующие люди принялись разделывать добычу...

А в это время Ортон лежал в хижине в своём обычном облачении калеки, метаясь в бреду: его бросало то в жар, то в холод. Нечеловеческое напряжение последних дней не прошло для него бесследно. Тело Ортона то окаменевало, то на-



чинало биться в судорожных конвульсиях, невысказанно изгибаясь. Он даже не мог сходить напиться, просто не находил сил, а позаботиться о нём было некому. Зловонный запах полусгнивших шкур душил его, вызывал тошноту...

Лишь на следующий день он сумел кое-как доплестись до реки, а возвращаясь повстречал охотников. Лица их сияли – они несли убитого оленя.

«Теперь дети не останутся без еды», – с удовлетворением подумал Ортон.

На поляне, где делили добычу, собралось всё племя. Слышались шутки, смех. Молодёжь и дети играли, забавлялись. Женщины чинили одежду. Ароматный запах жареного мяса оживил самых угрюмых. Ближе других подобрали к костру ребяташки. Они с вожделием поглядывали на плескавшееся пламя под освежёванной тушей и время от времени облизывали губы, предвкушая скорое пиршество.

Делёж жареного мяса уже заканчивался, когда подошёл Ортон. Он тяжело дышал, ещё не оправившись от болезни, ощущая сильную слабость, поэтому опирался на палку по-настоящему, а не как обычно для видимости. Один из мальчишек прицепил ему сзади длинную ветку, словно хвост, вызвав улыбки на лицах окружающих.

Широкоплечий силач Глан ударом ноги вышиб палку из рук Ортона и тот повалился на землю. Его падение сопровождалось дружным смехом всех собравшихся. Особенно веселился сам Глан, сочтя свою выходку очень остроумной:

он упал на землю и визжал от восторга, обхватив живот руками.

Неудержимый приступ гнева захлестнул сознание Ортона, его глаза загорелись яростью и гневом. Даже в вот таком своём болезненном состоянии он мог изувечить или даже убить обидчика одним ударом...

Смех стих, страх сковал Тлана, но Ортон уже справился с собой. Он униженно согнулся, поднял палку и заковылял прочь. Смущённые чем-то непонятным в его поведении люди возмутились: палки, камни, головни, всякий мусор полетел ему вслед.

– Дармоед! – слышались крики. – Жри вместо мяса землю! Навязался на нашу шею бездельник! Убирайся прочь!

Громче всех кричал Тлан: испытанный испуг родил в нём ненависть. Он же выкрикивал наиболее обидные слова. Брошенный им камень угодил в плечо Ортона, старые жёсткие шкуры смягчили удар, но на исхудавшем теле остался огромный синяк. Юноша едва устоял на ногах, стиснул зубы и прибавил шаг. Он твердил себе, что так должно быть, они не ведают, что творят с ним, истина известна лишь ему одному, нужно простить их и терпеть, как терпел всё до этого дня...

Добрался до речки, где обычно купался, упал лицом в траву, и глухие рыдания долго сотрясали его тело.

В племя он не вернулся, жил в лесу до тех пор, пока полностью не оправился от болезни. Соплеменников избегал. Ортон решил уйти из этих мест на юг...

Перед этим побывал у тайника в осине, забросил подальше в густой ивняк свою обычную одежду, твёрдо решив, что больше уже никогда её не наденет.

Он получал невыразимое наслаждение от своей неожиданно обрётённой свободы. Подставлял солнцу и ветру голое тело, купался в реках и озёрах. Охотился, собирал фрукты с деревьев и ягоды с кустарников.

Юноша не знал, сколько прошло времени. Местность начала меняться – стала более сухой. Пришлось держаться вблизи реки и далеко от неё не отходить, чтобы всегда можно было напиться. Незаметно подкралась очередная осень с её изобильными дарами...

И в один день он встретил Её: у пологого берега реки сидела русоволосая девушка, плетя венок из ромашек.

Не показываясь ей на вид и прячась за ивовым кустарником, Ортон с неудержимым любопытством разглядывал незнакомку. На её плечах находился меховой плащ рыже-жёлтого цвета, который переливался на солнечном свете. Рубашку с орнаментами на воротнике и на рукавах перехватывал в поясе кожаный плетёный пояс. Ниже шли светло-коричневые шаровары из каких-то-то мягких шкурах. Какому зверю они принадлежали, юноша понять не мог. На ногах девушки красовались необычная обувь с толстой подошвой, от которой вверх шли ремешки, обвивавшие голень и уходившие вверх под штанины.

Захваченный зрелищем, он сделал неосторожное движе-

ние, нога заскользила, и он едва не упал, сумев удержаться, только ухватившись за прут ивняка потолще.

Она заметила его, вскочила, и в руках девушки оказалось странное оружие, которое он никогда прежде не видел. Это была обструганная ножом толстая палка, согнутая и связанная по концам верёвкой. На неё была положена заострённая стрела. Он понял, что оружие действительно очень опасное, несмотря на необычный вид.

Девушка понравилась ему. Ортон улыбнулся и отбросил в сторону копье. Она постояла немного, потом опустила своё оружие.

– Ты очень красивая, – сказал он.

Она не поняла его, но щёки её зардели смущённым румянцем. Ответила по-своему на совершенно непонятном ему языке.

Несмотря на это, молодость и красота обоих позволили им быстро понять друг друга, поверить и желать дружбы. Симпатия и притяжение оказались взаимными, очень сильными.

Одно слово девушка повторяла особенно часто: «солонн». Ортон поначалу подумал, что это её имя, повторил, но девушка принялась смеяться. Потом отломанным прутом краснотала нарисовала на песке силуэт диковинного зверя и показала пальцем: «солонн».

Два дня Ортон был счастлив в обществе своей спутницы. Ничего подобного в его жизни не было. Она научила его

стрелять из своего оружия, которое называла «лук», в чём он быстро преуспел, выпуская стрелы не менее точно, чем сама наставница.

Когда они шли по редкому перелеску, состоявшему преимущественно из акаций, вдруг из-за деревьев совершенно бесшумно вышло чудище, каких он никогда прежде не видел: зверь был вдвое выше самого большого быка, белые рога росли из его пасти, а нос свисал до самой земли.

Ортон хотел защитить спутницу, рванулся вперёд, но был остановлен девушкой, она опередила его, прикрикнув на зверя и тот – о диво! – остановился, приветливо замахал своим носом. Затем она повернулась и сказала, указывая на него:

– Солонн!

Так вот кого она именovala этим словом! Ортон догадался, что по какой-то причине они расстались, и затем девушка искала его. По всему было видно, что он был покорен ей, как собаки в его племени. Она даже забиралась на спину солонна и ехала на нём. Пригласила и Ортона, сначала отказался, а позже присоединиться к ней. С высоты ему открылся совершенно иной мир, казавшийся более обширным.

Именно в этот день им повстречались первые толпы людей, язык которых Ортон понимал, хоть и с трудом. Они говорили о какой-то страшной опасности. Назавтра увидели новых беженцев. Те рассказывали, что спасаются от невиданных существ, похожих на человека, но только колоссально огромных и заросших шерстью. Чудовища смертельно

ненавидели людей, которых при встрече всегда стремились уничтожить. Сражаться с ними было невозможно, перед ними самый матерый медведь – вроде маленького котёнка.

Ортон понял: наступило именно то время, в ожидании которого он жил все эти годы, терпя унижения. Поник, посерел лицом. Девушка встревожено глядела на него. Звала его идти с собой туда, куда уходили все остальные люди. Его с невероятной силой тянуло к ней, но он покачал головой и показал, что пойдёт в прямо противоположную сторону. Расставание было кратким, но очень мучительным. Девушка понурилась, посерела лицом и ушла, часто оглядываясь. Она не знала о пророчестве и предназначении юноши.

Он шагал, долго не оборачивался, запрещая себе это. Один раз всё же не удержался, поглядел назад, но она уже была далеко со своим солонном. Юноша повторял и повторял себе, что их счастье не продлилось бы долго, они бы погибли, как и все прочие на земле. Он должен был спасти девушку и остальных людей ценой своей жизни.

Ортон знал, что должен умереть, так гласило пророчество, но страха не чувствовал. Он терял только жизнь, а что в ней он испытывал, кроме страданий, оскорблений, боли? О последних счастливых днях старался не вспоминать, глушил в себе это чувство. Это была очередная неизбежная жертва, которую он принёс высшим силам в своей короткой жизни...

Без колебаний Ортон двинулся навстречу своей судьбе.

Скоро он повстречал чудовищ. Издали они походили на

обыкновенных людей, только приблизившись, понял, что растительность, принятая им за кустарник, на самом деле оказалась лесом. Некоторые великаны возвышались над самыми высокими из деревьев. Они направлялись в степь охотиться. Окружив стадо диких лошадей, исполины с громopodobным смехом ловили их, тут же раздирали на части и жадно пожирали. Дрались из-за добычи, стремясь отхватить себе кусок побольше. Страшными были их перевитые горами мышц волосатые тела. Никакой одежды они не носили, наверное, по той причине, что одежду было сшить попросту не из чего, слишком уж огромными они были. Да и она не была им нужна, обильный волосяной покров служил им лучшей одежкой.

Колоссы заметили человека и бросились за ним. Они быстро набирали скорость, но выдерживали её непродолжительное время, скоро уставали, замедляли бег, переходили на шаг, а затем останавливались для долгой передышки. Иначе бы Ортону несдобровать. Поняв, что им не догнать его, великаны принялись метать ему вслед огромные камни, а один, самый могучий, вырвал с корнем молодой дубок и швырнул в Ортона. Тот едва сумел увернуться от столь необычного метательного снаряда.

Постепенно свирепые гиганты приближались к родному стойбищу Ортона.

Ели они необычайно много, весь день проходил у них в поисках пищи. Кормились колоссы тем же, что и люди. Это и

являлось основной причиной их беспредельной ненависти к человеческой расе – своей соперницей. Ужиться вместе они не могли – значит, кто-то должен был уступить место другому. Учитывая рост и силу монстров, исход представлялся совершенно ясным.

Суровость не покидала лица Ортона. Он постоянно терзался одной-единственной мыслью: как уничтожить врагов?.. Она не давали ему покоя. Гиганты столь сильны, что любой из них легко уничтожит самый многочисленный отряд воинов, ничто не может противостоять их дикой необузданной силе...

Был день, когда он совсем упал духом, решив, что всякое сопротивление бесполезно. Это случилось после того, как великаны устроили рыбную ловлю на одной из небольших рек. Несколько чудовищ улеглись в её русле, плотно прижавшись друг к другу, устроив импровизированную запруду. Ниже их по течению река обмелела, в многочисленных лужах забились, закишела беспомощная рыба. Оставшиеся колоссы быстро прошли по обнажившемуся дну, вычерпывая добычу огромными ладонями и выбрасывая рыб на берег... Когда воды собралось слишком уж много, она разлилась широко, образовав огромную заводь, тогда великаны встали, освободив русло, и водный вал понёсся по руслу, увлекая за собой камни, вырванные с корнем кусты и даже деревья...

Увиденное столь впечатлило юношу, что у него просто



опустились руки перед столь необоримым могуществом. Долго перед его глазами вставала эта картина: запруда из исполинских тел и огромные ладони, выхватывающих рыб из мелких ям...

Он не сразу переборол отчаяние. Стал внушать себе, что должно быть какое-то средство, пророчество ведуна ясно говорило об этом. Он должен найти его: что же могло противостоять колоссам?

Думал над этим каждый день, с утра и до вечера. Искал способ победить врагов...

И это средство нашлось. Шагая по степени, он набрёл на лежавший перед ним огромный лук и колчан со стрелами, вдвое большими, чем он видел у девушки. С ним Ортон тут же двинулся на чудовищ.

Они сгрудились у маленькой речки и пили воду столь жадно, что уровень её быстро понижался. Рыбы оказывались на внезапно пересошем дне, изгибаясь всем телом, били хвостом, стараясь вернуться в родную стихию.

Ортон громко крикнул, привлекая к себе их внимание. Один из великанов поднял валун и замахнулся, собираясь бросить в его сторону, но сверкнула стрела и вонзилась ему в грудь... Другого он поразил в глаз, третьего в середину живота, бугристого от выступающих мускулов... Исполины заревели и двинулись на врага, но стрелы быстро находили жертву, их количество в колчане не уменьшалось. И вот пало последнее чудище.

Ортон торжествующе отёр потный лоб.

К нему набежали толпы ликующих людей, кричащих от радости, благодаря его и возносящих хвалу победителю. Ему на шею бросилась девушка, с которой он отказался уйти от чудищ. Были многие его соплеменники. Даже Рюг и Тлан выражали ему свою признательность. Ортон удивился: они вдруг переменили своё отношение к нему, а почему?..

Настроение омрачилось, он почувствовал, что затёк его левый бок, на котором он лежал. Перевернулся и... проснулся. Тут же застонал от мысли, что это был всего лишь призрачный сон, а враги его живы и невредимы. Битва с ними была ещё впереди.

Весь день ходил, словно придавленный, мучаясь вопросом: как же ему победить колоссов, как?..

Он видел их издали. Они были чуть ли не вровень с горами, которые находились на самом горизонте, такие же несокрушимые и необоримые. Горы! Ортон вскрикнул от неожиданной мысли: только горные массивы могут устоять перед великанами, ему должны были помочь горы. Именно горы!..

Юноша сжал кулаки и потряс ими: горы помогут ему! Теперь он знал, как одолеть врагов, по какому-то наитию он понял это. Тотчас же направился к горам...

Там сразу же принялся за претворение своего замысла. Трудился не один день почти без отдыха, загоняя себя неистовой работой. Когда закончил, почувствовал в душе безмерную усталость. Хотелось лечь и забыться в сладост-

ной дрёме, но он отогнал малодушные мысли и направился в степь.

Скоро нашёл исполинов, они охотились на пятнистых оленей – бросая в них камни и дубинки, сделанные из стволов деревьев.

На сей раз Ортон не только не скрывался, а наоборот, действовал предельно открыто и вызывающе. Скоро был замечен. Великаны бросились на него. Дождавшись первого, юноша метнул копьё и метко попал туда, куда метил – в плечо колосса. Затем также легко ранил дротиком второго...

Окрестности огласились истошными воплями чудовищ. Этот рёв с трудом выдерживали слабые уши человека. К раненым сбежались их собратья. Они страшно вознегодовали и начали преследование человека.

Бежали, часто останавливаясь, чтобы перевести дух, и долго хрипло дышали, при этом бурно вздымались их груди, похожие на холмы, обросшие шерстью.

Ортон то ускорял свой бег, чтобы не дать себя догнать преследователям, то замедлял его, изображая усталость, останавливаясь предельно близко к ним. Это приводило его врагов в неопишную ярость. Отдохнув, они снова бросались в погоню. От их тяжёлой поступи дрожала земля. Временами ему казалось, что она прогибается под их ногами.

Приблизившись к входу в ущелье, юноша подобрал оставленные им загодя три дротика. Расчётливо стал метать их в гигантов, нанося раны, чтобы предельно разъярить их, но не

лишить возможности передвигаться. Потом ринулся вперед по ущелью изо всех сил. С криками великаны устремились вслед за обидчиком...

Добравшись до намеченного места, Ортон полез по крутому склону наверх, в последний момент сумев увернуться от огромной волосатой лапы. Почти отвесная стена оканчивалась просторным карнизом, вроде террасы. Здесь лежали груды заготовленных им камней, валунов, огромные обломки скал, которые он предварительно раскачиванием отделял от материнской породы и передвигал к краю. Всё это было уложено им так, чтобы можно было легко обрушить всё вниз...

Немедленно Ортон принялся сбрасывать заготовленное на головы гигантов. С грохотом летели валуны, увлекая со склонов другие камни, сопровождаемые облачками пыли. Ревели искалеченные монстры. А он толкал и толкал обломки вниз...

Вдруг непонятная сила подняла юношу в воздух. Один из врагов каким-то образом ухитрился взобраться в стороне на карниз и сразу же набросился на Ортона, издав торжествующий крик. Юноша извернулся, выхватил кинжал и вонзил его в плоть чудовищной лапы. Гигант заревел от боли и выпустил человека. Ортон упал на скальную поверхность, сильно разбив плечо и разодрав до крови бок, но сразу же поднялся на ноги.

Ловко увернулся от удара чудовищного кулака, бросился

к ноге исполина, колено которого оказалось на уровне его глаз, что было силы резанул по жилам ноги с её обратной стороны... Колосс упал, оказавшись на самом краю, зашатался и юноша воспользовался моментом, бросился на него и столкнул в пропасть. Но не удержался и сам, полетел следом за поверженным врагом: перед его глазами завертелись скалы, небосвод, склоны ущелья, великаны, горы, снова небо...

За эти мгновения он заметил, что ещё немало гигантов остались живыми, его миссия не была выполнена: угроза для мира осталась. Отчаяние резануло душу. Ортон упал на каменистое дно ущелья, которое содрогнулось, словно в приступе невыносимой скорби, следом покачнулись, зашатались горные вершины, расступились скалы – разверзшаяся бездна поглотила всех чудовищ и героя...

+ + +

Я проснулся с какой-то ноющей болью в груди. Глаза были мокрыми: неужели я плакал во сне?..

Огляделся. На тахте на корточках, по национальному обычаю, сидели кружком люди. Длиннобородый муйсафед рассказывал внимательным слушателям:

– ...Предание говорит, что там, где на скалы упали капли его крови, образовались чудесные красные камни – знаменитые бадахшанские лалы-рубины, а где кровь попадала на землю – выростали огненные цветы, похожие на разорвавшееся сердце, лола-тюльпаны... Так мне поведали старые люди, но они могли ошибаться. И ежели всё было по-другому, кто

сейчас сумеет разглядеть в тумане минувших веков искорку истины? Одному аллаху ведомо: где правда, а где ложь. Слава живому, который не умирает!

Старик провёл руками по редкой седой бороде и замолчал.

Я окончательно растерялся: то ли действительно мне приснился необычный сон, то ли это рассказ муйсафеда чудесным образом трансформировался в моём сознании в удивительную сказку? А может быть, горы сохранили память о подвиге героя, так и оставшегося неизвестным людям, и рассказали о нём мне?..

Я не знал, что и думать. Даже закружилась голова.

Встал, плеснул из арыка обжигающую холодом воду себе в лицо, отёрся и вышел на дорогу. Веявший из ущелья ветерок освежил меня, даже вызвал лёгкий озноб и по телу пробежала зябкая дрожь.

Уже начало светать. Блекли звёзды. Чернота небосвода на глазах синела, приобретало лёгкость. И только узенький серпик месяца, который многие восточные поэты сравнивали с бровью ширазской красавицы, излучал холодно-сочувственный свет. Возможно, он был свидетелем подвига давно минувших дней, помнил его и рассказал мне преданье старины глубокой и давно забытой...